

Раз уж они решили ехать отдельно от взрослых, то и таскать с собой огромные тюки больше не имело смысла. В обычных общих вагонах, где предстояло буквально выбивать себе место под солнцем, под эти неподъемные рогожные мешки просто не нашлось бы места. Вокруг теперь были лишь случайные попутчики, перед которыми не нужно было разыгрывать спектакль, так что парни без лишних раздумий закинули все громоздкие пожитки в «Сокровище». На руках у них осталось лишь два дорожных мешка с самым необходимым — нехитрым провиантом на дорогу.

В сотый раз они мысленно благодарили покойного настоятеля за его бесценный дар. И это была чистая правда. Пока они были мальчишками и носа не высывали из родной деревни Сикань, от этого бездонного переносного склада толку было немного. Тогда все их помыслы крутились вокруг простой еды да какой-никакой одежды, и заглядывать далеко в будущее они просто не умели. Ценность реликвии они осознали только теперь.

Крошечный постоялый двор оказался жуткой дырой. В комнатке удушливо пахло застарелой плесенью. На низкую, хлипкую кровать двум рослым парням приходилось укладываться чуть ли не в обнимку — прямо как суровой зимой в школьном общежитии, где грелись бок о бок. Об отдельной душевой не шло и речи. Ван Сюань сходил разведать обстановку в общественном туалете и вернулся бледным: до санитарных условий Особой зоны этому месту было как до луны, а вонь там стояла такая — хоть святых выноси. Обычная дыра в полу, никакого разделения на зоны, даже кран сломан. Чтобы смыть за собой, нужно было зачерпывать воду ковшом из стоявшего на улице огромного чана.

Этот чан из толстой шербоатой керамики давно покрылся изнутри липким налетом. Ржавый кран над ним уныло и непрерывно капал, наполняя посудину тухлой жижей. Судя по слою грязи на стенках, его не чистили с момента постройки этого заведения, так что использовать скопившуюся там воду действительно можно было разве что для смыва нечистот.

Делать было нечего. Достав зубные щетки и полотенца, они умывались прямо под сочащейся струей, подставляя под нее ладони лодочкой. Намочив полотна, наскоро обтерли лица, шеи и плечи, а напоследок сполоснули натруженные за день ноги. По телу наконец разлилась приятная прохлада. Для неприхотливых деревенских парней этого было вполне достаточно.

Полночь не принесла покоя — поспать толком им так и не удалось. Постоялый двор ютился у самого вокзала, поэтому постояльцы здесь менялись непрерывно: мелкие торговцы, заезжие рабочие, подозрительные личности всех мастей. Судя по всему, такой бедлам здесь творился каждую ночь. Сонный портье на входе и ухом не вел — плати наличные, и тебе без лишних вопросов швырнут ключи от конуры.

В их дверь дважды бесцеремонно ломились какие-то пьяные рожи. А за тонкой дощатой перегородкой то и дело раздавались недвусмысленные звуки: сладострастные женские стоны, тяжелое мужское сопение, взрывы вульгарного хохота и сочные ругательства. Хлипкие стены ходили ходуном, а соседская кровать скрипела так надрывно и яростно, что Ли Кай с Ван Сюанем каждую минуту ждали, когда этот одр любви с грохотом развалится на части.

Дома, в Сикане, Гоудань спал как убитый — его и пушечным выстрелом невозможно было

разбудить. Там стены родной хаты дарили абсолютное чувство безопасности. Здесь же, на чужбине, каждый шорох заставлял напряженно вскидывать голову. О крепком сне оставалось только мечтать.

— Да что это за дыра такая? — прошептал Ван Сюань, укрываясь с головой. — Посреди ночи...

— Кажется, теперь я понимаю, почему в этой халупе всегда полно народу, — прошептал Ли Кай, придвинувшись к самому уху Ван Сюаня. — Тут не просто дешево. Это же самый настоящий бордель.

Ван Сюань потер ухо и брезгливо передернул плечами:

— Мне аж дурно стало. Представь только, кто и чем занимался на этой постели до нас... И простыни ведь никто не менял! Всё, у меня уже всё тело чешется. Знать бы заранее — лучше бы на улице заночевал, клянусь.

— Да ладно тебе, откуда мы могли знать? — вздохнул Ли Кай. — Я и сам только сейчас сообразил.

Никто, конечно, не просвещал деревенских парней о подобных злачных местах. Но они были молодыми мужчинами, и житейский ум вкупе с обрывками подслушанных разговоров помогал быстро складывать общую картину. Городская жизнь вообще оказалась далека от праздных картинок. Особенно здесь, на юге, где экономика росла как на дрожжах. Быстрые деньги неизбежно притягивали к себе не только предприимчивых людей, но и всякую шваль.

— Терпи, — добавил Ли Кай. — Глубокая ночь на дворе, куда мы пойдем? А про улицу забудь: патруль сцапает — живо в обезьянник загремим за бродяжничество.

Кое-как дотянув до рассвета, когда за стеной наконец всё стихло, они провалились в тревожное забытие. Но поспать не дали и часа — улица снова взорвалась шумом. Это проснулись ранние торговцы: они катили по мостовой скрипучие тележки и зычными голосами зазывали прохожих отведать горячего утреннего супа да баоцзы.

Парни докрасна растерли лица ладонями, пытаясь согнать остатки дремоты. Выйдя во двор, они обильно плеснули в лицо ледяной водой из-под крана и щедро окатили стриженные под ежик головы. Только после этого мысли окончательно прояснились. Ван Сюань, обычно ворчавший, что мыть голову спозаранку вредно для здоровья, на этот раз смолчал. Ему и самому безумно хотелось отмыться с ног до головы — казалось, будто по коже до сих пор ползают невидимые вши.

Быстро растерев полотенцем торс, они набрали воды в армейские фляги, вернулись в каморку и наскоро обмылись ниже пояса. Только переодевшись во все чистое, Ван Сюань наконец облегченно выдохнул.

Все умывальные принадлежности и дорожная мелочь тут же исчезли в недрах «Пространственного кармана». Подхватив легкие заплечные мешки, парни спустились вниз и сдали ключи.

На улице было свежо. На востоке небо только-только подернулось багряными и нежно-розовыми мазками, солнце еще дремало за горизонтом. Хозяева уличных лотков уже выставили на мостовую низенькие столики и крошечные деревянные табуреты для ранних посетителей.

Для двух рослых парней эти табуреточки были сущим издевательством — колени упирались чуть ли не в подбородок, а сидеть приходилось, неловко расставив длинные ноги, из-за чего каждую секунду казалось, что вот-вот завалишься навзничь. Плюнув на приличия, они решили есть стоя. Схватив палочки, они за минуту с шумом и прихлебыванием опустошили по глубокой чашке горячей рисовой каши, утерли рты руками, расплатились и двинулись дальше.

— В следующий раз лучше переплатим, но снимем нормальную государственную гостиницу, — твердо сказал Ван Сюань, глядя на друга. — И дело тут не в изнеженности. Я бы без лишних слов на голой земле уснул, честное слово, но эта ночлежка — просто рассадник заразы. Ладно бы просто старая мебель, к этому не привыкать, но элементарную чистоту-то соблюдать надо! Ты видел это белье? На нем, небось, человек десять до нас переспало, и никто его даже в глаза не стирал. Ладно дома, там всё свое, родное. А тут мало ли какую чесотку или заразу подцепишь. Обидно же будет до смерти.

— Да понял я, понял, — проворчал Ли Кай, которого от воспоминаний о ночных вздохах за стеной тоже до сих пор слегка подташнивало. — Думаешь, мне самому там понравилось? Пожалел уже тысячу раз.

— Ладно, в первый раз едем так далеко, откуда нам было знать, — примирительно добавил Ван Сюань. — На ошибках учатся. Впредь будем умнее.

Поезд уходил только в полдень, но оставаться в городе парням больше не хотелось. Они решили отправиться на вокзал пораньше. План был прост: раздобыть перронные билеты, чтобы пройти к путям в обход общей суматохи и первыми втиснуться в вагон.

Ранним утром на вокзале царил относительное затишье. Лишь редкие пассажиры уныло дремали на лавках в ожидании своих поездов. Ли Кай и Ван Сюань без труда отыскали свободную скамью и придвинули ее вплотную к стене. Ван Сюань уже приготовился было прислониться к каменной кладке, чтобы хоть немного вздремнуть, но вовремя присмотрелся и брезгливо отпрянул. Стена, некогда побеленная, теперь лоснилась от вековой грязи и копоти, а чуть выше красовались чьи-то засохшие желто-зеленые сопли.

Ван Сюаня аж передернуло от отвращения. Ли Кай только покачал головой: он отлично знал, что его названный брат в вопросах чистоты бывал невыносимо дотошным. Дома А-Сюань никогда не сидел без дела: то перебирал свои сушеные травы, то мел полы, то затевал очередную генеральную уборку. Сам Ли Кай, случайно наступив во дворе в куриный помет, мог

просто вытереть подошву о траву и забыть об этом. Ван Сюань же в таких случаях хватал лопату, начисто срезал оскверненный слой земли вместе с дерном и уносил его подальше — в навозную кучу Ли Сы. И дело было вовсе не в капризах или неженстве. Он не боялся тяжелой работы, просто стремился сделать их скромный быт максимально опрятным. Пускай одежда залатана, пускай дом старый — в родных стенах бедность не казалась пороком, пока вокруг было чисто. Но чужая грязь вгоняла его в ступор. Одна мысль о том, что на гостиничном белье остались чужие чешуйки кожи, выпавшие волосы или следы чужого пота, лишала его покоя.

Ли Кай придвинулся ближе и похлопал его по плечу:

— Ладно тебе. Давай спина к спине сядем и подремлем. Так и расслабиться можно, и со скамейки не свалимся.

Они уселись поудобнее, подперев друг друга лопатками, и прикрыли глаза. На самом деле после горячего завтрака к молодым организмам быстро вернулась бодрость. Но впереди их ждал изнурительный многочасовой переезд в душном вагоне, который обещал стать настоящим испытанием на выносливость. Силы следовало беречь, поэтому они упрямо цеплялись за каждую минуту покоя.

И предчувствия их не обманули. Как только состав со скрежетом замер у перрона, платформа взорвалась неистовым гулом. Толпа хлынула вперед единой живой стеной. Пассажиры тащили на плечах необъятные тюки, баулы и холщовые мешки; особо зажиточные нанимали носильщиков, которые перли напролом, расчищая путь локтями. В узких дверях вагонов мгновенно образовались глухие заторы — огромные узлы застревали в проемах, их заталкивали внутрь с мясом, под общий визг и отборную брань. Поняв, что законным путем внутрь не попасть, самые отчаянные бросились на штурм открытых окон.

Ли Кай с Ван Сюанем сориентировались быстрее прочих. Пока остальные тупо ломились в тамбуры, надеясь на чудо, парни уже скользнули в раскрытое окно одного из вагонов. К моменту, когда толпа сообразила использовать оконные проемы, наши путешественники вовсю воевали за свободные места с теми немногими счастливицами, что успели просочиться раньше. Никаких номеров на билетах в помине не было — действовал суровый закон дороги: кто успел, тот и сел. Деньги за проезд платили одинаковые, так что уступать законное место никто не собирался.

Вагон забился под завязку за считанные минуты. В проходе стояла невообразимая давка. Кто-то оступился, сбитый с ног чьим-то тяжелым баулом, и растянулся на грязном полу. Пострадавший грязно выругался, но лезть в драку не стал — некогда. Все силы уходили на то, чтобы отвоевать хотя бы клочок пространства. Те, кому мест не досталось, спешно забивали углы в тамбурах и проходах, ведь стоять на ногах предстояло сутки, а то и двое.

И все равно уехать смогли далеко не все. Когда состав вздрогнул и медленно пополз вдоль платформы, на перроне осталась добрая половина жаждущих. Провожаемые отборным матом, опоздавшие бежали за набирающим ход поездом, цеплялись за поручни, висли на оконных рамах и упрямо карабкались внутрь. Места на полу не оставалось вовсе, поэтому вползающие с улицы люди буквально падали сверху, на головы и плечи сограждан. Стоящим внизу

приходилось ловить их, чтобы не оказаться раздавленными. Так, общими усилиями, новые пассажиры утрамбовывались в общую массу.

Не обошлось и без драм. Один купец-челночник, ехавший в одиночку со слишком большим объемом товара, нанял местных носильщиков. Те оказались пройдохами: улучив момент, когда поезд тронулся, они попросту придержали последний, самый крупный тук на плечах. Несчастный торговец мог лишь бессильно наблюдать из окна уходящего вагона, как его добро уплывает в чужие руки. То ли носильщики действительно не успели закинуть кладь, то ли это был наглый грабеж среди бела дня — поди разбери. Хозяин груза исходил яростной бранью, пока состав не завернул за насыпь. Оставшись ни с чем, он обреченно утер пот со лба и принялся утаптывать уцелевшие пожитки, которые и так занимали полпрохода, вызывая глухой ропот соседей. Купец был мокрым насквозь: рубаха прилипла к широкой спине, а с сальных волос капало так, словно их только что щедро смазали дешевым маслом.

Эта чудовищная давка живо напомнила Ли Каю деревенскую засолку овощей: людей втискивали в вагон с такой же беспощадной плотностью, словно капусту под тяжелый гнет. Все стояли плечом к плечу, затаив дыхание и мечтая о моменте, когда «крышка» наконец приоткроется на следующей станции и можно будет глотнуть свежего воздуха. Однако надежды эти были тщетными — на каждой остановке двери приносили не облегчение, а новую волну штурмующих, встречаемую всеобщим унылым стоном.

Для парней это был первый опыт по-настоящему дикой, нечеловеческой поездки. Да, до этого они уже ездили по железной дороге, но тогда им посчастливилось пристроиться к провинциальной делегации. Тот проездной билет обеспечил им относительный комфорт в просторном купе, где можно было хотя бы вытянуть ноги. Теперь же суровая реальность брала свое. Отныне именно такой кошмар должен был стать их верным спутником во всех дальних странствиях.

— Придется привыкать, — негромко произнес Ван Сюань, оглядывая бушующее море голов. — Хотя нам грех жаловаться. Посмотри на остальных.

Ли Кай молча кивнул. Он прекрасно понимал, о ком говорит А-Сюань. Его собственный взгляд то и дело возвращался к обворованному купцу.

— Представляю, как у мужика сейчас сердце кровью обливается, — тихо отозвался он. — Такой огромный тук... Там ведь товара на целое состояние. Если продукция дорогая, то пиши пропало — разорился в один миг.

Вокруг них сидело немало таких же челноков, но большинство везло по одному-два баула, с которыми можно было управиться в одиночку. Этот же бедолага пожадничал, набрал лишнего. И пускай сам он был мужиком крепким, косая сажень в плечах, но против простой истины не поспоришь: у человека всего две руки. Судя поговору, бедолага приехал откуда-то с севера.

Что и говорить — выживать хотелось всем. Но давалось это выживание слишком дорогой ценой.

<http://bllate.org/book/19654/1996760>